

— Ты что, совсем не учишься на ошибках? — Второй дядя гневно посмотрел на него. На ножке деревянного стула торчал гвоздь, который только что оставил длинную кровавую царапину на шее Ци Шаня.

— Я тебе сколько раз говорил: не лезь в гонки. А ты все равно тайком от меня пошел участвовать в соревнованиях. — Второй дядя бросил стул, его дыхание сбилось от гнева. — Разве моего урока тебе недостаточно?

Второй дядя обычно работал в туалете в парке, это была должность, специально выделенная правительством для инвалидов. Он заканчивал работу в шесть часов, и его сменял старик с угла.

Когда он уходил с работы, старик случайно сказал:

— Слышал, твой племянник выиграл групповой чемпионат в этом году. Этот кубок стоит немало денег.

С тех пор, как произошел тот случай, он больше не интересовался никакими новостями о гонках. Если бы старик не сказал ему, он бы даже не подумал об этом.

Потому что Ци Шань всегда был послушным.

— Почему? — Ци Шань все еще смотрел вниз, его голос был спокоен до жути. — Почему я не могу заниматься гонками?

Второй дядя, с большей частью лица, скрытой челкой, выглядел потрясенным:

— Почему? Ты посмотри, что со мной стало!

Ци Шань постепенно сжал кулаки, суставы его пальцев побелели.

— Мы, бедняки, должны жить спокойно! Не лезь в эти гонки, нам это не по карману! — Голос второго дяди стал хриплым. — Иначе одна авария — и вся жизнь пойдет под откос.

Мы, бедняки.

Не по карману.

Эти семь слов словно ядерная бомба разрушили его самооценку в один миг.

Чувство трагической судьбы окутало сердце Ци Шаня. Он постепенно закрыл глаза, стиснув зубы.

Разве мы, бедняки, можем только жить, ничего не делая? Разве мы, слабые, можем только плакать и кричать?!

Он вспомнил, как однажды, играя в баскетбол, его толкнули, и он получил травму, потом молча вернулся домой и лежал, повторяя движения броска.

Он вспомнил, как второго дядю и Сюаньсюаня обижал Цзян Далун, они умоляли о пощаде, а он поднял гаечный ключ.

Он вспомнил насмешливых соседей, зевак на улице и себя, полного ненависти.

Эти картины одна за другой всплывали в памяти, как слайды, сменяющие друг друга.

Нет!

Он вдруг осознал, что не хочет так прожить всю жизнь.

Он хочет посмотреть, что там, на другой стороне судьбы. Даже если придется ползти, он доберется туда.

— Прожить всю жизнь в унижении, никогда не поднять голову перед людьми, жить без достоинства — чем это отличается от скотины?! — Ци Шань крикнул, его глаза покраснели, каждое слово было как удар молота.

Второй дядя не ожидал, что он скажет такое, и замер на месте. Он потерял равновесие, отступил и оперся на стену.

Ци Шань с болью в сердце посмотрел на него, затем развернулся и ушел.

Выйдя из автомастерской, Ци Шань задумался о том, где ему переночевать. Домой он сегодня точно не вернется.

Он собирался пойти к Большому Псу, но дом Большого Пса был напротив его дома, и он решил, что это не лучшая идея.

У него не было друзей, которые могли бы его приютить. Кроме Большого Пса, оставался только Шэнь Чжоу.

— Мы друзья.

Ци Шань вспомнил слова Шэнь Чжоу. Сердце дрогнуло, и ноги сами понесли его в сторону его дома.

На полпути начался дождь со снегом.

Ци Шань, стиснув зубы, продолжил идти вперед и, дойдя до его дома, оказался полностью мокрым.

Он несколько раз нажал на звонок, прежде чем Шэнь Чжоу подошел открыть дверь.

Увидев избитого и промокшего до нитки Ци Шаня, Шэнь Чжоу замер.

— Что с тобой случилось? Заходи скорее.

Ци Шань, опустив голову, вошел внутрь и тихо спросил:

— Можешь приютить меня на ночь?

Шэнь Чжоу, отвернувшись и засунув руки в карманы, сказал:

— Какая тут ночевка? Заходи скорее.

Ци Шань хотел сказать спасибо, но Шэнь Чжоу перебил его:

— Не благодари. Я думаю, если бы у тебя было другое место, ты бы ко мне не пришел. Верно?

Сказав это, он повернулся, поднял бровь и, щелкнув языком, произнес:

— Я, наверное, твой последний вынужденный выбор.

— Очень вынужденный. — Ци Шань с грустью вздохнул. — Эх, как же я несчастен.

Шэнь Чжоу засмеялся, достал из шкафа полотенце и бросил ему.

— С кем ты так подрался? — Шэнь Чжоу задумался, кто мог так избить Ци Шаня. Таких людей мало, если только он сам не сопротивлялся.

Ци Шань взял полотенце, вытер голову и сказал:

— Со вторым дядей.

— Он не разрешает тебе участвовать в гонках? — Шэнь Чжоу, сидя на диване, налил ему горячего чая. — Ты бы сразу сказал, зачем было терпеть эти побои?

— Он всегда был против этого. Я хотел, чтобы он через это столкнулся с самим собой. — Ци Шань стоял на месте, вода с одежды капала на пол.

Шэнь Чжоу, видя это, не выдержал и велел ему снова пойти помыться.

Ци Шань быстро помылся и спустился, переодевшись в пижаму Шэнь Чжоу.

Белая футболка, серые шорты.

Они были примерно одного телосложения, только у Шэнь Чжоу кости были немного уже, поэтому он казался более стройным, а Ци Шань — чуть шире в плечах.

Ци Шань взглянул на телефон. Сюаньсюань только что отправил ему сообщение с телефона второго дяди.

[Гэ, ты там держись.]

Ци Шань с грустью посмотрел на сообщение, не ответил, затем сел на диван рядом с Шэнь Чжоу.

— Помылся? — Шэнь Чжоу, держа в руках игровой контроллер, не поднял головы. — Подсаживайся, сыграем.

— Во что?

— «Forza». — Шэнь Чжоу протянул ему контроллер. — Игра про гонки.

Только сейчас Шэнь Чжоу поднял голову и посмотрел на него, заметив длинный кровавый след на шее.

Ци Шань, видя, что он пристально смотрит, инстинктивно потянулся к шее:

— Что-то не так?

Шэнь Чжоу быстро схватил его руку:

— Порез здоровый.

Они сидели лицом к лицу, колени касались друг друга. Шэнь Чжоу держал его за запястье, поза была довольно близкой.

Ци Шань поднял на него взгляд:

— Страшно выглядит?

— Нормально. — Шэнь Чжоу отпустил его руку, наклонился к ящику стола перед диваном, нашел мазь и бросил ему. — Намажь.

Ци Шань выдавил мазь на руку, нанес её на рану, почувствовав легкую прохладу.

— Твой дядя довольно сильно тебя ударил, эта рана выглядит болезненной. — Шэнь Чжоу, повернувшись, посмотрел на него. — Почему он не разрешает тебе заниматься гонками?

— Он раньше был профессиональным гонщиком, но потом сломал ногу. — Ци Шань медленно втирал мазь. Закончив, он бросил тюбик на стол.

— Он отец Сюаньсюаня? — Шэнь Чжоу вдруг почувствовал сложность ситуации. — Я сначала думал, что вы с Сюаньсюанем родные братья.

— Нет. Мои родители ушли, когда мне было два-три года, и больше не возвращались. — Ци Шань опустил голову. Он был тогда совсем маленьким, но помнил это очень четко.

Тогда он плакал на руках у второго дяди, а родители сели в машину и уехали, не оглянувшись.

Шэнь Чжоу не стал больше спрашивать, боясь задеть его болезную тему.

Он поднял руку и слегка сжал его запястье:

— Шань-гэ, я в тебя верю. Ты еще всем покажешь.

Ци Шань рассмеялся над словами «покажешь» и не удержался, чтобы не подколоть:

— Ты что, думаешь, я Цзян Сяолун, для которого успех — это цель жизни?

— Ну а ты, юноша, какова твоя конечная цель?

Шэнь Чжоу бросил контроллер, смотря на него. В его глазах отражался свет, мерцающий на стекле.

— Покорить Цзиньчэн. — Ци Шань сказал это с серьезным лицом.

— Пошел ты, я серьезно спрашиваю. — Шэнь Чжоу, положив голову на руку, посмотрел на него. Как он может так серьезно шутить, ему не холодно?

— Моя цель невысока. — Ци Шань взял со стола стакан воды, сделал глоток. — Когда у нас будут деньги, мы будем мыться в «Лафи» 82-го года, по восемь раз в день. Выходить из дома будем только по красной дорожке, с барабанным боем и грохотом. Нанятые телохранители будут разбрасывать деньги, всем, кого встретим, будем давать. Не захотят — силой запихнем.

— Какой ты добрый. — Шэнь Чжоу не сдержал смеха, продолжая шутить. — Когда у нас будут деньги, мы найдем телохранителей, чтобы они собирали деньги за твоей спиной. Не дадут — отберем, и так взлетим на вершину успеха.

Они оба рассмеялись, чувствуя себя глупо, но не зная, над чем именно.

<http://bllate.org/book/16828/1547540>